

Научная статья
УДК 343.1
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-131-136>

О нормативно-правовой конструкции допустимости доказательств и возможности ее совершенствования в уголовном процессе

Терехин Владимир Вячеславович¹, Шевченко Орест Александрович²

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, v.w.terekhin@yandex.ru

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, oas2310@mail.ru

Аннотация. В данной статье авторы исследуют природу допустимости уголовно-процессуальных доказательств в контексте типологически разнородных досудебной и судебной частей судопроизводства, предпринимают попытку правового анализа проблематики нормативно-правовой конструкции допустимости и предлагают возможное направление развития данного процессуального института.

Ключевые слова: допустимость, законность, стандарт, сторона, доказательство, внутреннее убеждение, свобода, формальная оценка

Для цитирования: Терехин В. В., Шевченко О. А. О нормативно-правовой конструкции допустимости доказательств и возможности ее совершенствования в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 131–136. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-131-136>.

Original article

On the regulatory and legal structure of the admissibility of evidence and the possibility of its improvement in criminal proceedings

Vladimir V. Terekhin¹, Orest A. Shevchenko²

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, v.w.terekhin@yandex.ru

²National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, oas2310@mail.ru

Abstract. In this article, the authors explore the nature of the admissibility of criminal procedural evidence in the context of the typologically heterogeneous pre-trial and judicial parts of legal proceedings, attempt a legal analysis of the problems of the normative legal structure of admissibility and propose a possible direction for the development of this procedural institution.

Keywords: admissibility, legality, standard, side, evidence, inner conviction, freedom, formal assessment

For citation: Terekhin V. V., Shevchenko O. A. On the regulatory and legal structure of the admissibility of evidence and the possibility of its improvement in criminal proceedings. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 131–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-131-136>.

Подтверждением значения института допустимости как средства обеспечения режима законности и, следовательно, защиты прав и свобод участников судопроизводства, стали нормы, принятой в 1993 году Конституции Российской Федерации, в части 2 статьи 50 которой зафиксировано, что при осуществлении

правосудия не могут использоваться доказательства, при формировании которых были допущены нарушения федерального закона. Законодатель, фактически отождествив законность доказывания и допустимость доказательств в части 3 статьи 7 УПК РФ, обозначил в нормах статей 75, 89, части 3 статьи 226.5,

© Терехин В. В., Шевченко О. А., 2023

пункте 9 части 2 статьи 389.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) пределы действия принципа свободы оценки доказательств, тем самым актуализировав значение данного института и проблематику его применения для уголовного судопроизводства в целом.

Запрет по формальным основаниям использования показаний подозреваемого, обвиняемого, сообщенные в отсутствие защитника и неподтвержденные в суде, а также показаний свидетеля и потерпевшего, источник которых неизвестен или имеющих характер предположений (ч. 2 ст. 75 УПК РФ) — явно не согласуется с идеей свободы оценки доказательств, основанной на внутреннем убеждении субъекта доказывания [1, с. 6–8]. В норме статьи 75 УПК РФ законодатель применил принцип формальной оценки. Абсолютизация значения формальных признаков в оценке допустимости свидетельствует о следственной (инквизиционной) модели формирования доказательств, реализованной законодателем в УПК РФ. В этой связи оценка допустимости доказательств закономерно является оценкой законности действий субъектов доказывания, прежде всего тех из них, кто осуществляет досудебное уголовное преследование: следователей, дознавателей, должностных лиц органов, наделенных полномочиями осуществления оперативно-розыскной деятельности. И именно поэтому, вопросы допустимости доказательств становятся главным предметом борьбы сторон в ходе судебного разбирательства. Традиционно низкий процент оправдательных приговоров постановляемых российскими судами (последние 10 лет количество вынесенных судами оправдательных приговоров не превышало 0,5 % от общего числа рассмотренных, а в 2017 году этот показатель составил 0,21 %) [2] и сведения ЕСПЧ за 2021 год о том, что по выявленным конвенциональным нарушениям состоялись отмены и изменения судебных актов по 1 091 уголовному делу и материалу в отношении 1 124 лиц [3] могут свидетельствовать об актуальности проблемы поддержания режима законности в доказывании по уголовным делам через призму нормативно-правовой конструкции допустимости доказательств. Выход России из ряда структур Совета Европы и фактическое прекращение «сотрудничества» с ЕСПЧ после 16 марта 2022 года создали перманентную опасность снижения уровня защищенности прав, свобод, законных интересов граждан, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Участвуя в работе совещания судей Российской Федерации 14 февраля 2023 года, Президент Российской Федерации отметил: «Важно, чтобы принятые по итогам съезда решения вели к реальным изменениям, повышали качество работы судебной системы, а значит, делали более доступной и эффективной защиту прав, свобод и законных интересов наших граждан. В этом залог развития России как правового демократического государства, страны с высокими социальными стандартами, конкурентным деловым климатом и привлекательной национальной юрисдикцией» [4].

Такие аспекты международного сотрудничества по уголовным делам, как уголовное преследование лиц, совершивших преступление и скрывшихся от следствия и суда за пределами Российской Федерации, международный розыск, задержание и экстрадиция обвиняемых по уголовным делам, собрание доказательств за пределами территории России и др., значительно затруднены причинами, прямо и косвенно «завязанными» на оценку допустимости доказательств, используемых обвинением в публичных интересах. Многие резонансные уголовные дела (например, по обвинению: гр-н Гусинского, Чичваркина, Бородина и др.) до настоящего времени не могут быть окончены производством ввиду отказа компетентных органов ряда зарубежных стран оказать необходимое содействие российским правоохранительным органам. В свою очередь, компетентные органы ряда ведущих стран Запада (прежде всего США и Великобритании) имеют встречные претензии к отечественным правоохранителям (уголовные дела в отношении Магнитского, Литвиненко, Ходорковского и Лебедева и др.). По сути, типичным примером являлось уголовное дело по обвинению известного предпринимателя Г. Трефилова в преступлении, предусмотренном частью 4 статьи 159 («Мошенничество») УК РФ, которое расследовалось с 2010 года. По материалам МВД РФ г. Трефилов совершил мошенничество в особо крупном размере (более чем на 1,3 млрд рублей) и скрылся от следствия, в связи с чем он был объявлен в международный розыск [5]. В соответствии с уголовно-процессуальным законом Российской Федерации, в сентябре 2011 года компетентным российским органом был направлен запрос об экстрадиции обвиняемого. Дело об экстрадиции рассматривал судья округа Вестминстер г. Лондона [6]. Принимая во внимание состязательный (прецедентный) тип уголовного судопроизводства Соединенного Королевства Великобритании

и Северной Ирландии представляет интерес судебное решение по данному резонансному делу, а именно, его обоснование и мотивирование в части допустимости некоторых доказательств, положенных в основу итогового решения, поскольку все дальнейшие судебные решения будут учитывать данное решение.

Следует отметить, что в запросе об экстрадиции в соответствии с нормами национального и международного права закрепляется обязательство Российской Федерации обеспечить все необходимые гарантии правовой защиты лица (в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод), в отношении которого инициируется данная процедура. Рассмотрев поступившие от сторон материалы, английский судья отказал российской стороне в удовлетворении ее запроса и постановил возместить г. Трефилову расходы, понесенные в ходе судебного процесса (свыше 1 млн долларов США). Вынесенное судебное решение стало окончательным и не подлежало обжалованию. В такой ситуации денежные средства выплачиваются из государственной казны, а затем взыскиваются с государства (Российской Федерации) в порядке регрессного иска. В решении судья указал, что никаких доказательств виновности Трефилова из российских компетентных органов не поступило. В то же время судьей были исследованы и признаны доброкачественными доказательствами материалы, представленные Трефиловым и его защитником [7]. В качестве доказательств стороной защиты были представлены аудиозаписи разговора сотрудника Генеральной прокуратуры России, осуществлявшего надзор за расследованием уголовного дела в отношении Трефилова и Г. Усупашвили — представителя Трефилова, о прекращении уголовного преследования последнего за денежное вознаграждение. Интерес представляют не детали «переговоров», а подход судьи к проверке и оценке указанных источников доказательственной информации. Аудиозаписи судьи непосредственно прослушал в судебном заседании и на основе внутреннего убеждения признал допустимыми доказательствами [7], несмотря на совершенно «непроцессуальный» способ их получения стороной защиты. В основе его решения лежит основополагающая для системы прецедентного права идея о том, что допустимость служит средством:

— обеспечения достоверного знания об обстоятельствах, ставших предметом судебного разбирательства;

— обеспечения беспристрастности суда;
— создания справедливых условий состязания сторон.

Отметим еще раз: отличительным свойством допустимости доказательств англо-американского доказательственного права является принцип о приоритете достоверности (способности доказывать что-либо) над формальными установлениями закона о процедуре доказывания. Вместе с тем суд вправе признать любое доказательство не имеющим юридической силы, если в ходе его получения были необоснованно или излишне нарушены права участников судопроизводства.

В отечественной системе уголовного правосудия подобная ситуация — признание судом допустимыми доказательствами результатов непроцессуальной деятельности — в принципе не может иметь место, ввиду исключительно формально-юридического, следственного (позитивистского) подхода к пониманию свойства допустимости доказательств. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 допустимость доказательства связывает с соблюдением следующих условий:

- а) получено из предусмотренного законом источника (ст. 74 УПК РФ);
- б) предусмотренным законом способом (только следственные, процессуальные действия);
- в) зафиксировано в установленной законом форме;
- г) получено уполномоченным субъектом доказывания.

Этот подход, исповедуемый отечественным законодателем, создает две серьезные проблемы (методологического и нормативного характера). Первая — фактически препятствует достижению информационного превосходства над преступным элементом, что является ключевым условием эффективного уголовного преследования. Вторая — формально-юридическое понимание свойства допустимости обуславливает и соответствующий подход к его оценке. Принцип оценки допустимости на основе свободы внутреннего убеждения фактически подменяется принципом формальной оценки. Начало этому процессу положил сам законодатель, обязав признавать показания подозреваемого, обвиняемого данные в отсутствие защитника и неподтвержденные в суде — недопустимыми доказательствами. Также недопустимыми, будут показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, даже если достоверность этих показаний

была подтверждена дальнейшими результатами расследования.

Стремясь уравнять допустимость и законность, в ее формально-юридическом значении, сторона защиты в суде, как правило, отстаивает бескомпромиссную позицию о том, что любое отступление должностными лицами органов уголовного преследования от формально определенных (позитивных) правил доказывания должно повлечь утрату такими доказательствами юридической силы. По мнению этих специалистов, не имеет значения, вызваны ли эти отступления действиями самих должностных лиц или иных участников, были они совершены с умыслом или невиновно, повлекли они какие-либо негативные последствия или нет.

С другой стороны, законодатель, исповедуя крайне догматический подход к определению допустимости средств доказывания, используемых в досудебном уголовном преследовании, фактически препятствует широкому использованию современных цифровых / технических средств доказывания, чему также способствует позиция весьма многочисленной группы специалистов в области теории доказательств, обосновывающих тезис о недопустимости какой-либо деформализации процедуры формирования доказательств. Отрицание доказательственного значения результатов непроцессуального познания (например: оперативно-розыскного, адвокатского), независимо от достоверности этих сведений и внутреннего убеждения суда, представляется спорным в условиях нарастания процессов цифровой трансформации всех сфер общественного сознания социума.

Догматизируя понятие допустимости как гарантии соблюдения прав личности в доказывании, отечественный законодатель усугубляет формально-юридический подход к пониманию сущности свойства допустимости уголовно-процессуальных доказательств.

Концепция объективной истины, как цели уголовно-процессуального доказывания, в этом смысле вполне объясняла сущность и основное значение свойства допустимости доказательств, как барьера на пути проникновения в доказывание недостоверных, неverified сведений (фактических данных). При этом за допустимостью доказательств признавалось значение и гарантии от злоупотребления властью. Очевидно, что применение правил о допустимости и с целью достижения объективного знания о преступлении и для защиты прав и законных интересов участников судопроизводства было вполне оправданным в условиях

идеологического бесправия и широкого применения административно-командных методов управления общественной, экономической, политической и другими сферами государства. Реализованная в практике советского судопроизводства концепция объективной истины как цели доказывания, временами деформировалась до уровня круговой поруки профессиональных участников судопроизводства, в целях удовлетворения односторонне-публичных интересов.

Следует признать справедливость утверждения о том, что категория цели в праве не имеет смысла вне сознания и практической деятельности тех, кто реализует право [8, с. 76]. В этом смысле категория цели уголовно-процессуального доказывания детерминируется целью (мышлением о целеполагании) правоприменителей. Сущность понятия допустимости, его значение, по нашему мнению, достигается через установление происхождения этого явления, но также и через осмысление предназначения (в т. ч. этическое значение) и его эмпирическое содержание в правовой реальности.

Очевидное несоответствие законного и правового в реалиях судопроизводства обусловлено несоответствием формально-юридического выражения допустимости ее подлинной, правовой сущности.

Действенность нормативно-позитивного аспекта основывается, прежде всего, на авторитете власти как таковой, на авторитете Закона. Требуется осмысления позиция, высказанная В. П. Малаховым и утверждающая, что «действительным основанием действительного права» является не его целесообразность, а именно авторитет власти и исходящих от нее (позитивных) предписаний [8, с. 65]. Авторитет любой власти имманентно связан с чувством безопасности и защищенности членов социума. Защищенности как от преступных посягательств, так и от неправомερных действий лиц, ведущих досудебное уголовное преследование.

Полагаем, что в широком правовом понимании значения института допустимости доказательств существенное значение имеет сама «правовая реальность», то есть те сложившиеся отношения между участниками доказывания, которые обусловлены не позитивным (государственным) началом, а рациональными интересами участников уголовно-процессуального доказывания. По Ю. Хабермасу, формула права в целом выводится из рациональности бытия (того, что существует) [9]. Полагаем, что среди правовых систем ведущих государств мира именно система прецедентного (англо-американского)

права дает наглядный пример того, как бытие права рождается из судебных решений и обретает силу и авторитет решений власти, поскольку в основе этих решений лежит смесь рационального и духовного, принимаемого и поддерживаемого социумом. В этом смысле упомянутое нами решение английского суда вводит в сферу допустимого (в уголовном судопроизводстве) сведения, достоверность которых не вызвала у суда сомнений, процесс получения которых не причинил какого-либо ущерба правам и законным интересам иных участников, но при этом они не были получены профессиональными участниками судопроизводства, не были получены процессуальным способом.

Конкретные позитивные установления, регулирующие процедуру уголовно-процессуального доказывания через субъективные права его участников, следует считать лишь в той мере правовыми, в которой они способствуют общему упорядочиванию социальных, общественных отношений. Соответственно, позитивные нормы, содержащие эти установления, будут правовыми в случае их согласованности с системой права в целом, в том числе имеющей место правовой реальностью, важнейшим аспектом которой является адекватность средств доказывания уровню и характеру преступности. Институт допустимости доказательств призван содействовать повышению эффективности уголовного преследования, а не противодействовать ему. Представляется оправданным отказ от запретительного характера нормативного регулирования порядка введения некоторых результатов оперативно-розыскной деятельности (гласных ОРМ) в уголовное судопроизводство; отказ от идеи формальной оценки допустимости показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, закрепленной в статье 75 УПК РФ, расширение возможностей использования цифровых технологий для формирования доказательств. Решение о допустимости использования сведений, полученных непроцессуальным путем в качестве доказательств, несомненно, может быть прерогативой только суда. Нарушения конституционных прав и законных интересов участников судопроизводства либо не установленная достоверность таких сведений, очевидно, должны повлечь решение об отсутствии у таких сведений свойства допустимости.

Список источников

1. Зажицкий В. Источники осведомленности в уголовно-процессуальном доказывании // Советская юстиция. 1983. № 8. С. 6–8.

2. Предисловие Председателя ВС РФ В. М. Лебедева к 4-му изданию «Право Европейской конвенции по правам человека» / Харрис, О'Бойл и Уорбрик. Москва: Развитие правовых систем, 2021. 1448 с.

3. Куликов В. В России снизилось количество обвинительных приговоров. URL: <https://rg.ru/2023/07/23/sud-v-opravdanie.html> (дата обращения: 30.09.2023).

4. Выступление В. В. Путина на совещании судей 14 февраля 2023 года. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/32144/ (дата обращения: 30.09.2023).

5. Экс-глава холдинга «Марта» Трефилов арестован в аэропорту Лондона. 22.03.2013. URL: <https://www.forbes.ru/news/236087-eks-glava-holdinga-marta-trefilov-arestovan-v-aeroportu-londona> (дата обращения 30.11.2023).

6. Прокурора взяли по сигналу из Лондона. Международный розыск не помешал Георгию Трефилову посадить ветерана Генпрокуратуры / Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2092992> (дата обращения: 30.11.2023).

7. Британский судья пришел в ужас от размаха российской коррупции / Век. URL: <https://wek.ru/britanskij-sudya-prishel-v-uzhas-ot-razmaha-rossijskoj-korruptcii> (дата обращения: 01.12.2023).

8. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Философия». Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

9. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. Москва, 1995.

References

1. Zazhitsky V. Sources of awareness in criminal procedural evidence. *Soviet justice*, 1983, no. 8, pp. 6–8. (In Russ.)

2. Harris O'Boyle and Warbrick. Preface by the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation V. M. Lebedev to the 4th ed. of "The Law of the European Convention on Human Rights". Moscow: Development of legal systems Publ., 2021. 1448 p. (In Russ.)

3. Kulikov V. The number of convictions in Russia has decreased. URL: <https://rg.ru/2023/07/23/sud-v-opravdanie.html> (accessed 30.09.2023). (In Russ.)

4. Speech by V. V. Putin at a meeting of judges on February 14, 2023. URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/32144/ (accessed 30.09.2023). (In Russ.)

5. The ex-head of the Marta holding Trefilov was arrested at London airport. 22.03.2013. URL: <https://www.forbes.ru/news/236087-eks-glava-holdinga-marta-trefilov-arestovan-v-aeroportu-londona> (accessed 30.09.2023). (In Russ.)

6. The prosecutor was taken on a signal from London. The international search did not prevent Georgy Trefilov from imprisoning the veteran of the Prosecutor General's Office. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2092992> (accessed 30.09.2023). (In Russ.)

7. The British judge was horrified by the scale of Russian corruption. *Century*. URL: <https://wek.ru/britanskij-sudya-prishel-v-uzhas-ot-razmaxa-rossijskoj-korruptcii> (accessed 30.09.2023). (In Russ.)

8. Malakhov V. P. *Philosophy of Law. Ideas and assumptions: textbook a manual for university stu-*

dents studying in the specialties "Jurisprudence" and "Philosophy". Moscow: UNITY-DANA Publ., 2008. (In Russ.)

9. Habermas Yu. *Democracy. Intelligence. Moral. Moscow lectures and interviews*. Moscow, 1995. (In Russ.)

Информация об авторах

В. В. Терехин — доктор юридических наук, доцент;

О. А. Шевченко — кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. V. Terekhin — Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

O. A. Shevchenko — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 12.12.2023.